

тером мифологического мышления, которое пытается схватить любую вещь в её целостности: анализ такому мышлению чужд, методология здесь не разработана.

Возможно, этим и объясняется вечный моральный уклон мифа: из всех способов ориентирования человека в окружающей реальности (а это и есть главная задача любой картины мира) миф владеет только этим, предельно обобщённым. Чем, в сущности, отличается моральное наставление от разумного аргумента? Своей неочевидностью, отсутствием доказательств и потому — внешней произвольностью. Например: почему, в самом деле, следует соблюдать закон? Юрист сказал бы: потому что поступать иначе опасно, могут наказать. Социолог — потому, что иначе будет нарушена нормальная работа всей социальной системы, а от этого пострадают все, в конечном счёте и сам нарушитель. Моралист — потому что так не принято у хороших людей. На самом деле это «не принято», так же как понятие «хороший человек», — обобщение громадного исторического опыта, множества фактов, включая и соображения юриста и социолога (тоже из фактов выведенные). Однако моралист не в состоянии анализировать их, он пользуется готовыми обобщениями, взятыми из канонизированных сводов (священных текстов). Потому-то, видимо, мифологическое сознание «и есть, и хочет быть *лишь* моральным» (Ницше 1998: I, 51): лишь с трудом оно справляется с более строгой логикой.

С этой точки зрения можно показать (без лишних повторов), что отдельные части всех рассмотренных Мифов (а на самом деле — одного и того же Мифа в разных видах) — не случайное сочетание. Они логически вытекают друг из друга.

VI.2.2. Ближайшие следствия иррационализма

Основа Мифа — изначально иррационалистическая. Поэтому не приходится искать логичного объяснения поведения людей и коллективов: такими методами его не найдёшь. Стало быть, остаётся признать, что во всех поступках и событиях проявляется некая изначальная сущность, априори постулированная автором, но не подлежащая доказательному познанию.

Поскольку это так, то нет ни нужды, ни возможности анализировать поведение людей с точки зрения посюсторонних интересов и целей. Приходится признать, что любой человек — прежде всего носитель некоего «духа» (психологического типа), его очередное проявление. И действуют в истории не люди, а эти «духи». Для подобной мыслительной конструкции культурализм — самая удобная форма.

Далее, собственно из иррационализма вытекает эстетизм Мифа. Поскольку смысл нашего существования непознаваем, единственным его оправданием остаётся эстетика. Немало писал об этом А. Камю, развивавший идеи Ф. Ницше в ином, чем расисты, направлении: «Этот бунт придает жизни цену. Становясь равным по длительности всему существованию, бунт восстанавливает его величие. Для человека без шор нет зрелища прекраснее, чем борьба интеллекта с превосходящей его реальностью» (Камю 1989: 260—261).

VI.2.3. Метафизический Враг и определение ценностей

С этой позиции решается проблема теодицеи. Либо зло в мире — результат изначального несовершенства этих «духов» — но тогда вся концепция выходит безрадостной, как пессимизм Шопенгауэра. Либо зло — результат действия враждебных «духов». Значит, надо искать врага. Религиозные мистики находят выход в том,

что переносят источник зла в потусторонние сферы: всему виной сатана — метафизический Враг, и против него хотя бы в принципе может ополчиться любой человек. Мистики *нерелигиозные* такой возможности лишены, им приходится искать Врага среди людей. Поэтому рано или поздно они неизбежно скатятся к какой-либо форме национализма, «аще и не восхотят». «*Древняя Русь и Великая Степь*» — одна из *поздних* работ Л. Н. Гумилёва. Да и Солженицын долго сопротивлялся шовинистическому толкованию своих трудов. Даже миф советского марксизма (очень сильно отличающийся от учения самого Маркса) начал с борьбы против несправедливых общественных отношений, но быстро перешёл к другой борьбе — против персонифицированного классового *врага* (капиталистов), а в позднее сталинское время перешёл к обычному национализму старой царской закалки. В послевоенном СССР, где буржуазии официально уже не было, национальный вопрос на практике заслонял собой даже классовый.

Антисемитизм — лишь самая известная форма такого скатывания. А разве русофобия, китаефобия (играющая роль антисемитизма в Юго-Восточной Азии), иррациональная враждебность к кавказцам, румынам, арабам, африканцам, наконец, американцам — чем-то принципиально лучше? С другой стороны, Б. Муссолини — основатель фашизма — не был антисемитом и преследовать евреев начал лишь с 1938 г. под давлением своих новых союзников из Берлина. Но это не меняло сущности его режима.

Если бы антисемитизм был проблемой для одних лишь евреев — какое бы до этого было дело всем прочим? И почему бы тогда многие немцы — даже некоторые эсэсовцы, даже высокие оккупационные чиновники, вроде Ганса Кальмайера в Нидерландах, — спасали их с риском для жизни, без всякого расчёта хотя бы на моральное вознаграждение (Мадиевский 2003—2004)? Ведь они подрывали основы режима, которому сами служили, ради того, чтобы остаться людьми. Настоящими людьми, живущими по собственным принципам, а не ходячими схемами «истинных арийцев».

Известна шаблонная фраза: «Какой же я антисемит? У меня есть друг еврейчик — очень неплохой человек...». Обычно в таких фразах видят лишь предлог для самооправдания. На мой взгляд, разгадка глубже — в законах, по которым функционирует мифологическое сознание. Оно нуждается в *олицетворении* любых своих образов: например, мировое зло должно быть воплощено во враждебной религии. То, что в жизни человек видит реальных приверженцев этой религии и понимает, что в основном это вполне нормальные люди, никак не увязывается с его подсознательным шаблоном (это очень заметно, например, в мемуарах В. В. Шульгина). Архетип и реальность существуют в разных планах психики, не подтверждая и не опровергая друг друга. То же относится к случаю, когда роль «мирового Врага» играет не «еврейство», а капитал (в случае марксизма, превращённого в миф — не следует смешивать его с правильно понятым марксизмом), или Запад, или «антисистема», или что угодно ещё. Кстати, в психологической близости архетипа «власти капитала» и националистических мифов — одна из главных причин того, почему постсоветское общество оказалось так падко на национализм.

Можно, однако, спросить: но ведь и в марксизме люди делятся по психологическим типам — капиталисты, мелкая буржуазия, пролетарии? И разве М. Вебер не включал капитализм в число своих «идеальных типов»? Разве для советской

пропаганды капитал не играл роли метафизического Врага? Разве в сталинскую эпоху человек не мог попасть в лагерь за одно лишь «буржуазное происхождение», по графе СОЭ («социально опасный элемент»)?

Но есть важное отличие: марксизм — *не иррационалистическая* философия. Он не делит людей по непознаваемым «сущностям» на изначально лучших и изначально неисправимых. Поэтому «классовая сущность» человека в нём зависит от исполняемой им социальной роли, и поэтому — в соответствии с тезисом: «общественное бытие определяет общественное сознание» — может быть изменена. Опустившийся феодал может пойти в наёмные рабочие, рабочий — открыть своё дело и стать капиталистом. Поэтому здесь условия социального бытия (на практике нередко — политическая лояльность) важнее происхождения, и нет человека, который *в принципе* не поддавался бы перевоспитанию. В социальных бедах виновны лишь те законы общественного бытия (или «правила игры», как хотите), по которым мы играем. Их-то и надо исправить, и тогда плохих людей не будет вовсе, как в романах Х. ван Зайчика.

Не надо искать врагов, которые портят нам жизнь целенаправленно: если бы во всех несчастиях человечества был виновен кто-то один (или одна группа людей), задача идеального образа жизни была бы настолько проста, что человечество (состоящее ведь не только из дураков и мошенников) решило бы её давным-давно. Мифологическому сознанию, конечно, такой ход мысли доступнее — оно нуждается в олицетворениях, даже если понимает их беспочвенность.

Поэтому коммунисты, как и все *социальные* утописты (в отличие от приверженцев утопий другого рода — мистических, технократических и особенно националистических), огромное внимание уделяли просвещению, более того — добились в нём заметных успехов. Культура СССР была великой культурой, хотя чем дальше, тем больше её творцы не столько поддерживали Советскую власть, сколько боролись с теми или иными её проявлениями. Нужды нет: и Ч. Айтматов, и А. Д. Сахаров, и даже Л. Н. Гумилёв и А. И. Солженицын — воспитанники советской школы. Педагоги, воспитавшие учеников, поднявших успешный бунт против своих же учителей, — состоялись именно как педагоги. Уровень массовой образованности в СССР был одним из самых высоких в мире: функционально безграмотных людей не было вовсе, 30-тысячный тираж книги считался малым, а очереди у книжных магазинов изумляли иностранцев. Сколько бы ни говорили, что тогдашнее просвещение было идеологическим, но в наши дни мы теряем даже и его. За подтверждением далеко ходить не надо: спросите любого педагога любой средней или высшей школы в СНГ.

Расизм и национализм — дело иное. Сущность человека в нём считается раз навсегда заданной и неизменной, поэтому воспитанию места нет. Люди, необходимые для таких реформаторов, могут быть найдены лишь в готовом виде, отобраны и построены в колонну. Именно поэтому, как писал Б. Кроче, «деятельность фашизма не была и не могла быть истинным интеллектуальным и моральным воспитанием, а была давлением, растлением, коррупцией, в общем, приручением, которое применяет человек по отношению к животным, стремясь подчинить их своим нуждам <...>, она не могла дать духовного эффекта, внутреннего убеждения, искренней веры, глубокого энтузиазма, а лишь создавала в душах вакуум» (цит. по: Филатов 1984: 84). Однако в этом и заключается, к счастью, причина того, что такая идеология неизбежно раз-

рушает сама себя. Ведь врождённые и наследственные психологические качества (тем более ценности) — это иллюзия, иначе никто из нас не нуждался бы ни в каком воспитании. Обычно такие идеологи отбирают для себя в качестве «прирождённых носителей национального духа» людей, *воспитанных кем-то другим*, притом не только на потребу диктатору. У них могут оказаться принципы, не предусмотренные ни теорией, ни теоретиком. И эти принципы в самый неподходящий момент прорвутся сквозь идеологический прессинг. Муссолини не предвидел, что за беспардонное враньё с него спросят не только политические противники, но даже сторонники — «фашисты первого часа», заставившие его уйти в отставку на заседании 24 июля 1943 г. (Кин 1991: 84—87).

Так, уже знакомый нам автор пытается увязать понятие свободы и «расовый дух»: «Это рассмотрение чешской истории крайне поучительно для всей наступающей расовой историографии и учит чётко отличать свободу от “свободы”. Свобода в германском смысле — это внутренняя независимость, возможность исследования, конструирование системы мира, по-настоящему религиозное чувство; свобода [же] для переднеазиатских вкраплений и тёмных метисов значит беспрепятственное уничтожение других культурных ценностей. Первое вызвало в Греции наивысшее культурное развитие, однако затем — полное разрушение этих творений в результате “превращения в людей” также и переднеазиатских рабов. Присуждать всем без различия сегодня внешнюю “свободу” — значит отдаваться на волю расового хаоса. Свобода означает связанность породой, только она может гарантировать всемерное развитие. Однако связанность породой требует также защиты этой породы» (Rosenberg 1934: 111). Нетрудно заметить, что заявленные ценности не складываются ни в какую общую картину: «свобода в рамках породы» — это не человеческая деятельность, а механическое функционирование автомата в силу заложенной в нём программы.

В итоге именно непонимание подлинных ценностей сыграло роковую шутку с теми диктаторами, которые пытались на них играть. В конце концов, честь — понятие старое, не Розенберг его изобрёл. Ещё Павел I пытался построить рыцарскую утопию, основанную на понятии чести. Отсюда культ формы и масса средневековых атрибутов павловского царствования. Но отсюда же непримиримое противоречие между принципом самодержавия и принципом чести — то есть права рыцаря отказаться выполнять унижительный приказ. В результате действительно рыцарственные вельможи предпочли быть в отставке, царя же окружили либо тупые солдафоны вроде Аракчеева, либо хитрые интриганы вроде его убийц — Палена и Бенигсена. Несовместимость идей и намерений Павла с его же практикой взорвала всю его систему, несмотря на многие личные достоинства этого монарха (Эйдельман 1986).

VI.2.4. Способ заполнения исторических пустот

В чём смысл того редактирования фактов и смыслов, которое мы обнаружили практически у всех кандидатов в мифотворцы XX века? Можно ли считать это сознательной ложью? Нет, далеко не всегда. Поэтому мы и избегали прямого упрека в искажении исторической действительности. Суть его в том, чтобы свести известные автору факты — заведомо неполные, ибо полная картина прошлого по определению невозможна, — в связанное целое. А для этого факты нуждаются в известной